

Владимир Марцинковский

Пасха в тюрьме

Пасхальная ночь... Москва, сердце России, вся трепещет от радости... Густые волны колокольного звона медным гулом заливают тюрьму: она ведь находится на горе. Пасхальная заутреня должна быть в 12 часов ночи, но она откладывается из-за опасения побегов. Лишь в шесть часов утра, когда стало рассветать, стали выводить нас из камер. Уже не гудела Москва, а только звенели в коридорах связками ключей наши телохранители. Народу, как всегда бывает на Пасху, пришло много. С воли прислали пасхальные архиерейские ризы, сверкающие серебром и золотом.

Митрополит Кирилл, весь сияющий, в тяжелой парче, кадит... посылая во все стороны не только фимиам, но и клубы пламени, вырывающиеся из кадила. В руке у него красные пасхальные свечи...

"Христос воскрес!" "Воистину воскрес!" - разносится гулом под сводами тюремных коридоров. У многих на глазах слезы, хотя здесь преимущественно суровые, ко многому привыкшие мужчины. Читается знаменитая пасхальная речь Иоанна Златоуста, приветствие всем и вся, и тем, кто постился, и тем, кто не постился, и тем, кто пришел в первом часу, и тем, кто пришел в последний, одиннадцатый час...

Вот и куличи и яйца. Они принесены оттуда, с воли... Меня до слез потрясает воспоминание о великой любви, которая особенно в этот день согрела тюрьму и обвила ее холодные, мрачные стены объятиями братской, нежной ласки.

Всю Великую Субботу, с раннего утра, все несли и несли - яйца, куличи, сырники пасхи, цветы, свечи - и все это тогда, когда Москва голодала.

Несли, может быть, последнее, чтобы бросить пасхальную радость и туда, в сырые мрачные казематы.

Итак, многие плакали. "Люби слезы сии" - вспоминается тихое, умиленное слово старца Зосимы. Это были слезы сладкой грусти, граничащей с радостью Воскресения.

Православие в идеале есть религия воскресения - по крайней мере, русское сердце так его исповедует и переживает.

Пасхальный экстаз способен переплавить тоску в радость, мечи в плуги, устранить все стены и перегородки. О, если бы он не ограничивался короткой пасхальной ночью!

Уже день. Мы идем по камерам. Коммунист К., старший надзиратель - очень суровый, стоит у выходной решетки и считает проходящих. Я вдруг подхожу к нему с возгласом: "Христос Воскресе!" - и троекратно его целую. Он не уклоняется, но отвечает вяло, может быть, потому, что занят счетом.

Прихожу к своей камере. Надзиратель нашего коридора, старый служака, сидит на табуретке, скучный такой. "Что вы?" - "Да вот... дежурный. Ни домой, ни в храм сходить!" - "Пойдем к нам разговляться", - говорю я ему, увлекая его к себе в камеру. Пришли еще некоторые соседи. Я раскладываю присланные из дому и от друзей куличи, яйца, зажигаю свечу.

Читаю Евангелие о воскресении Христа, потом молитву своими словами и пасхальную:

"Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить".

Все христосуемся между собой, дарю им яйца, по обычаю... Ни тюрьмы, ни надзирателей, ни решеток, ни чекистов нет сегодня: все растаяло и сгнуло в лучах восходящего Солнца Воскресения - есть лишь люди - братья, все грешные и все Богом возлюбленные... Только бы обратились к Нему!

Из книги «Записки верующего»